

Нина Раковская

Философские стратегии в критическом тексте Акима Волынского. К постановке проблемы

Аким Волынский как теоретик искусства и критик является одной из противоречивых фигур литературного процесса конца XIX – начала XX века. Заметим: до 50-х годов XX века существовал запрет на упоминание его имени, несмотря на то, что в 20-е годы он возглавил Петроградское отделение союза писателей и коллегия издательства «Всемирная литература». Многие исследования Ак. Волынского в области философии культуры, сравнительной культурологии, творчества Ф. Достоевского и Н. Лескова являются до сегодняшнего времени библиографической редкостью. Первые значимые оценки его литературно-критической деятельности были даны в работах Е. Толстой (Израиль), Б. Менцель (Германия). Попытки научного подхода к наследию Ак. Волынского в последнее десятилетие очевидны в статьях В. Котельникова, Л. Пильд, К. Созиной и др. Б. Менцель отмечает следующий факт:

Традиционная сила русской критики, ее способность к пророчеству основываются на программных статьях, начиная с годовых обзоров В. Белинского, через эссе критика-символиста Акима Волынского, через теоретизирующую критику формалистов Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума, статьи мыслителей оттепели Владимира Померанцева и Владимира Лакшина, вплоть до знаковых текстов эпохи перестройки¹.

В сборнике избранных трудов В. Топорова *Петербургский текст русской литературы* отмечается широкое «концептуальное» воздействие Ак. Волынского на литературный процесс 1920-х гг. По всей вероятности, такая оценка дана, прежде всего, потому, что критика Ак. Волынского являлась философско-эстетической. Более того, Ак. Волынский указал на ценность философско-религиозного знания, объявив о своей модели идеалистического мировидения культуры, противостоящей «царившей» в тот период позитивистской. В связи с этим, он предвосхищал решение проблем, которые станут актуальными в культурном пространстве XX в. Но его попытки переосмыслить развитие литературного процесса, перестроить литературную иерархию остались незамеченными, ибо были вытеснены работами его коллег

¹ Б. Менцель, *Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп*, «Неприкосновенный запас» 2003, № 4 (30), с. 150.

(Д. Мережковского и других критиков-символистов к. XIX – н. XX в.). Более того, теоретические исследования Ак. Вольтинского о возрождении идеализма в философской и литературной мысли не были учтены авторами сборника *Проблемы идеализма*. Н. Бердяев, С. Булгаков, Б. Струве не сочли необходимым включить в сборник статьи своего учителя. Резким суждениям подвергался его анализ творчества русских писателей, притом, что книги о Ф. Достоевском Н. Бердяева и С. Булгакова во многом строились на концепции ранних работ критика. Вокруг имени Ак. Вольтинского сохранялось «некое негативное мнение», объясняемое резкой тональностью его письма.

Долгий период времени его работы предпочитали просто игнорировать. Затем ситуация постепенно изменилась. Первая библиография работ Ак. Вольтинского появилась уже в 1915 г. в книге С. Венгерова *История русской литературы XX века*; в сборнике *Русские писатели* (1924 г.) вышла новая библиография И. Владиславлева, в посмертном сборнике 1928 г. – Б. Веккера; в 1990-м – Евг. Ивановой и А. Рейтблата. И тем не менее, если учесть, сколько его текстов не опубликовано, не говоря уже о рукописях, становится понятным, что исследование феномена Ак. Вольтинского еще впереди.

С точки зрения У. Дюваля,

интеллектуалом как персонажем мировой литературы или культуры может называться личность, глубоко проникающая в философию культуры, публицистику, историю литературы, и являющаяся знаковой фигурой на сцене современной ему истории².

В таком плане, как нам представляется, можно оценить роль значимых литературных критиков к. XIX – н. XX в. Однако в перечне знаковых фигур, как правило, упоминающихся литературоведами, таких как В. Розанов, Л. Шестов, Д. Мережковский, имя Акима Вольтинского практически не встречается. Еще раз подчеркнем: этот факт объясняется тем, что до сих пор не систематизированы его работы, часть статей находится в архивах, не издано эпистолярное наследие критика. Более того, очевидно, что Ак. Вольтинский – фигура в определенной степени одиозная, стоящая в абсолютном отдалении от всех современных ему течений и направлений, и оставившая много резких суждений как о предшествовавшем ему литературном процессе, так и современном. Любопытно, что в различные времена XX века он был одинаково не любим. В советский период ему не прощали беспощадного отношения к В. Белинскому и шестидесятиникам, в период к. XX – нач. XXI вв. – полемического отношения к модернизму. О том, что Ак. Вольтинский был ярким философом и критиком, ироником, близким к хайдеггеровской школе, к системе Р. Рорти, знатоком культуры, в частности, балетного искусства, написавшим оригинальные исследования о Леонардо да Винчи, Рембрандте, античной культуре, в исследованиях упоминается вскользь.

Сегодня многие исследователи отмечают, что весь Серебряный век жил предчувствием великих синтезов, и ряд теоретиков символизма, в частности, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, А. Белый, дали метафизическое и поэтическое

² У. Дюваль, *Утраченные иллюзии. Интеллектуал во Франции*, [в:] *Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре*, Москва 2005, с. 339.

выражение таким предчувствиям. Но едва ли не один Ак. Волынский аналитически показал и возможности, и препятствия для движения к такому синтезу.

Очевидно, что главной проблемой в своей системе Ак. Волынский считал философскую критику культуры и, в этом аспекте, критик, по мнению современников, был колоритной и своеобразной фигурой: смиренным доминиканцем, прозелитом Савонаролы и инквизитором одновременно. Во всем аскет, фанатик и герой, соединивший в себе «страшно умственную высоту с идеальными построениями»³, что определило парадоксальность его мышления. Заметим, что о парадоксах русской критической рефлексии этого периода написано немало исследований. В. Шмидт указывает, что

понятие «парадокс» означает в греческом языке «высказывание, противоречащее «доксе», то есть господствующей «истине», общепринятому мнению, ожиданию»⁴.

Исходя из этого суждения, критический дискурс Ак. Волинского действительно парадоксален. Его суждения, как правило, жестки и противоречат мнению его современников. Освобожденный внутренне от власти мыслительных стереотипов, также как, впрочем, и В. Розанов, непримиримый в оценках существующих ценностных ориентиров, парадокс Ак. Волинского нарушает все установленные смысловые иерархии, стремится к постановке противоречивых и часто, одновременно неразрешимых проблем, и в этом плане вписывается в контекст деконструктивистского мышления⁵. Он подверг решающему пересмотру целые исторические пласты литературы, искусства, философско-религиозной мысли, вместе с тем, провозглашая необходимость универсалистского синтеза в литературе и культуре.

Ак. Волынский писал, что на него повлиял миллион аллегорий и цепи метафор отца (занимавшегося книжным делом) и чувственность матери. Видимо поэтому, в его интерпретационной практике ощущалась вертикальность, т.е. выраженная в жизненно-символических формах устремленность к абсолютному, которую он будет требовать от словесного творчества, отыскивать в «экспансивной пластике» и, наконец, в балете найдет наглядное ее воплощение. «Аккумулируя грезы вертикальности, – писал Г. Башляр, – мы познаем трансцендентность бытия»⁶. Но движение к Абсолюту приводило критика часто к отходу от человеческой истории, от всего, что обременяло дух. Познание бытия представлялось ему как подчиненность Богу. «Господь говорил Иову из бури: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?»», – часто повторял он библейское суждение в своих статьях. Момент рационального постижения, с его точки зрения, есть момент смысла, все остальное несущественно. Более того, он считал, что постижение смысла бытия выражается в символах, знаках, записывая которые можно осмыслить ценную

³ В. Зеньковский, *История русской философии*, Академический Проект, Раритет, Москва 2001, с. 738.

⁴ В. Шмидт, *Нарратология*, Языки славянской культуры, Москва 2003, с. 17.

⁵ См. Р.Семків, *Іронічна структура: типів іронії в художній літературі*, Київ 2004.

⁶ Г. Башляр, *Поэтика пространства*, [в:] *Избранное: Поэтика пространства*, Москва 2004, с. 105.

для человека сущность: «Мир есть писание, Книга». О себе Ак. Вольтинский иронически скажет: «В сущности я ведь и не что иное как книга – ничем другим я быть не хотел»⁷. Тем не менее, в эту книгу вписывались идеальные смыслы, иррациональные влияния, богочувствования, обращенные к сердцу, а не к разуму, искавшие радость и святость в ежеминутной миссии.

Заметим, что уже в ранний период своей деятельности, Ак. Вольтинский написал работу *Теолого-политическое учение Б. Спинозы*, у которого нашел не только логическое оформление своих религиозно-философских интенций, но и понимание свободного мышления, развивавшегося на определенной национально-культурной почве и выражавшееся сильным языком страсти и убеждения, более того, осознание христианской этики «в свете рационализма». Позднее не избежал Ак. Вольтинский интереса к А. Шопенгауэру и Ф. Ницше. Все отмеченные влияния определили синкретизм его концепции, нашедший отражение в *Книге великого гнева. Критические статьи. Заметки. Полемика*⁸. Лексика названия точно характеризует отношение Ак. Вольтинского к современным его эпохе идеям. И он формулирует свою главную задачу следующим образом: «расследование, разыскание, подыскивание доказательств»⁹. Принципы интерпретации Ак. Вольтинского очевидны в его оценках Д. Мережковского, З. Гиппиус, О. Уайльда, Вл. Соловьева, Вяч. Иванова. Отметим влияние личной драмы отношений Ак. Вольтинского и З. Гиппиус, нашедшее отражение в повести З. Гиппиус *Златоцвет* и ее 99 письмах к нему, суждениях поэтессы о книге Ак. Вольтинского *Леонардо да Винчи* и его отношении к декадансу в целом. О крайностях полемических суждений Ак. Вольтинского могут свидетельствовать высказывания критика о поэтическом сборнике З. Гиппиус *Зеркало*. М. Ямпольский в исследовании *О близком* пишет, что зеркало не отражает «субъективное сознание и объект созерцания. Оно, как и телескоп приближает увиденное»¹⁰. В ряде работ он продолжает свои размышления: «ситуация близости (зеркало) не дает возможности преодолеть дистанцию, связанную с двойничеством»¹¹. В связи с указанными суждениями заметим, что критик увидел в сборнике З. Гиппиус двойственность, определяемую ее мирозерцанием. Вопреки оценкам своих современников, он полагал, что сборник написан под влиянием «навеянных и внушенных идей» и является неким современным демоническим поветрием, отсюда литературная костюмированность, кокетливая изобретательность без всякого смысла. Ак. Вольтинский отмечает в поэзии З. Гиппиус «суетный шелест и шорох подбитых шелком платьев», диалоги, напоминающие «беззвучный шепот», монологи, представляющие собой отрывки из чужих статей, вследствие чего и «происходит» бедность психологического содержания, заменяемая крикливостью. Вместе с тем его привлекала вертикальная доминанта, т.е. легкость, изящество формы, умение поэтессы создать некий телесный облик. Именно потому

⁷ А. Вольтинский, *Критические очерки*, Санкт-Петербург 1900, с. 60.

⁸ А. Вольтинский, *Книга великого гнева*, Санкт-Петербург 1904.

⁹ Там же, с. 162.

¹⁰ Ямпольский М., *«Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности*, Москва 2010, с. 58.

¹¹ Там же, с. 108.

он впоследствии назовет З. Гиппиус женщиной легендарно-мифологических времен. Вместе с тем эту ноту З. Гиппиус не услышала и в своих воспоминаниях весьма пренебрежительно высказывалась о некоем критике, который ничего не понимал в искусстве и писал «уродливые статьи».

Уже в 90-х годах Ак. Волынским четко осознавалось не просто различие между «декадентством» и «символизмом», а их противопоставленность друг другу, о чем он писал в статье, называвшейся именно *Декадентство и символизм*. Впоследствии в книге *Борьба за идеализм* он указывал, что в современной европейской литературе оба явления обозначились в один и тот же исторический момент: первое – как протест против старых философских воззрений, второе – как переработка художественных впечатлений в новом свете¹².

Если декадентство, с точки зрения Ак. Волынского, явление негативное, ценностью которого является только выступление против материализма и позитивизма, то символизм объединяет «в художественном изображении мир явлений с миром божества» и поэтому, «победив декадентство, с его наивно банальными химерами и его демоническим пустословием», символистская поэзия восстанавливает «связь с религиозным сознанием», открывая вечное в мире явлений¹³.

Вследствие остроты полемики и несдержанности суждений двух полемизирующих критиков наступил разрыв отношений Ак. Волынского с З. Гиппиус и Д. Мережковским. Завершилась особая форма их диалогических связей, что привело в конечном итоге к отторжению критика от литературного окружения. Из-за своей крайней субъективности Ак. Волынскому, как справедливо указывал В. Котельников, было свойственно ни с кем не делимое одиночество. Это свойство природы определяло сущность его категоричности. Ак. Волынский был убежден, что литературная критика должна быть абсолютно самостоятельна, ибо ее цель связана не с утилитарными запросами времени, а с «вечными идеалистическими потребностями культуры»¹⁴. Именно в таком понимании она является «средством настоящего достоверного знания» и способна «добыть» истины о человеческой природе. Вот почему критик так резко отзывался о публицистичности шестидесятников и, как и К. Леонтьев, видел причину данного явления в некоем примитивизме, связанном с эгалитарными тенденциями и упрощенностью понимания веры. К. Леонтьев во всеобщей ассимиляции веры усматривал начало вторичного упрощительного смешения, ведущего к сужению личности и упадку творческих сил человечества. Выход из этой ситуации Ак. Волынский видит в искусстве, придавая красоте возвышенный символический смысл. В этом плане, очевидно, что и литературу он трактует только как поэтическое выражение того же идеализма в образах новой красоты и убежден, что истинное искусство, помимо сознания художников, всегда имело такой именно символический характер, и развитие «вечных

¹² См.: А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1894, № 4, с. 117–128; А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1895, № 2, с. 280–293.

¹³ А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1895, № 2, с. 287.

¹⁴ Там же, с. 293.

идей» в человеке-творце обуславливает «появление новых утонченных форм, оживляемых глубокой внутренней правдой»¹⁵. Безусловно, что такое толкование для Д. Мережковского, Вл. Соловьева и А. Белого казалось упрощенным и «развело» Ак. Волынского с В. Соловьевым, в частности с его идеей поэтического триумvirата (царь – поэт – пророк), а также с постулатами А. Белого о символизме как миропонимании. Возможно, Ак. Волынскому стоило более объективно исследовать концепцию символизма В. Иванова, идеи А. Белого о превращении символизма созерцаний в символизм действий, но он действовал как критик, для которого полемика как движущая пружина текста часто затмевала суть.

В связи с этим, в его статьях формируется понимание декадентства как отпадение от прежних святынь, от прежнего Бога, от нравственности – отпадение в то, что противоположно Богу, в эстетику, в злую демонически-обаятельную красоту¹⁶.

На этом пути, у которого нет конца и предела, человек развертывается в своих «крайних личных инстинктах», доходя до исступления и утомления. Так, скажем, замечает критик, у Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо эстетический культ выступает в сопровождении какого-то внутреннего вопля, переходящего в разлад и раздвоение души. В качестве дополнительного примера Ак. Волынский приводит мирозерцание русского декадента Н. Минского, называя его декадентом ума, его идеи

игрой над бездной пустою, рассудочной фальшью, особенно явственно проявляющейся в его суждениях о Боге, потому и поэзия его вымученная и горбатая, трагическая и злобно циничная¹⁷.

Такова и поэзия Д. Мережковского, притязающая на философичность, но в действительности не идущая дальше современных книжных терминов.

С педантической старательностью он возится над склеиванием разных понятий, разных исторических эпох, примиряя плоть с духом и Венеру с Христом, так, как это делается в рассудочно-логической реторте, «у людей из бумажки» как сказал бы Ф. Достоевский,

– пишет критик¹⁸.

В такого рода суждениях проявляется полемическая субъективность критика. Он не мог не понимать, что личности Н. Минского и Д. Мережковского не сопоставимы. Но неприятие общей концепции декадентства делало его суждения однозначными, о чем писал А. Чехов, называя его диалоги результатом ненужной «полемической горячности». Интересно, что Ак. Волынский был изгнан из ресторана во время юбилея А. Скабичевского так же, как

¹⁵ А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1894, № 4, с. 118.

¹⁶ А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1895, № 2, с. 286.

¹⁷ А. Волынский, *Критические очерки...*, с. 161.

¹⁸ Там же, с. 175.

когда-то В. Белинский с юбилея И. Тургенева, о чем писал в мемуарах *Былое и думы* А. Герцен. Фактически в этот период Ак. Волынского поддерживал только В. Розанов, особенно когда речь шла о концепции шестидесятников. В письме к Э. Голлербаху В. Розанов напишет следующее:

Этот Флексер (Волынский) первый предпринял колоссальную работу переработки русской критики, которая к 80–90-годам, заняв еще с 60-х, да, пожалуй, и с 40-х годов ведущее место, превратилась в лице А. Скабичевского, Н. Шелгунова положительно в хулиганство, «сад терзаний» («или мир пыток» в китайском дворце) русской литературы, осложняемом кабаком и трактиром. И вот Флексер-Волынский, принимая на себя, на имя свое, на судьбу свою в литературе весь ад насмешек, проклятий, злобствования совершил эту «библейскую сокровенную Правду для русской литературы»¹⁹.

Сам же В. Розанов оказался более объективным в оценке критической мысли. Все же имена В. Белинского, Н. Чернышевского, Ап. Григорьева стояли у него не в одном ряду со А. Скабичевским и Н. Шелгуновым. Одновременно в статье *Крушение кумиров* высказывался С. Франк, называя период русской критики 60-х годов (отделив его от В. Белинского) «сужением духовного горизонта», а Ак. Волынского единственным критиком, который осмелился открыто негативно отнестись к «неприкосновенным» святыням, за что и подвергся общественному бойкоту и был изгнан из литературы.

Однако, как бы ни складывались обстоятельства личной судьбы, отстранить Ак. Волынского от истории культуры было невозможно.

Парадокс критика заключается в том, что он был одним из первых русских литературных критиков, работавшем в журнале *Северный вестник*, открытым для русского и европейского декадентства. Своими остро полемическими, сенсационными, как ни у кого другого, выступлениями, Ак. Волынский освобождал почву от старого «наследства», но неожиданно оказался изолированным в том литературном движении, начало которому сам положил.

Литература

Башляр Г., *Поэтика пространства*, [в:] *Избранное: Поэтика пространства*, Москва 2004, с. 5–212.

Волынский А., *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1894, № 4, с. 117–128.

Волынский А., *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1895, № 2, с. 280–293.

Волынский А., *Книга великого гнева*, Санкт-Петербург 1904.

Волынский А., *Критические очерки*, Санкт-Петербург 1900.

Дюваль У., *Утраченные иллюзии. Интеллектуал во Франции*, [в:] *Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре*, Москва 2005, с. 337–349.

Зеньковский В., *История русской философии*, Академический Проект, Раритет, Москва 2001.

Менцель Б., *Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп*, «Неприкосновенный запас» 2003, № 4 (30), с. 145–153.

Семків Р., *Іронічна структура: тупів іронії в художній літературі*, Київ 2004.

¹⁹ А. Волынский, *Литературные заметки*, «Северный вестник» 1895, № 2, с. 290.

Шмид В., *Нарратология, Языки славянской культуры*, Москва 2003.

Ямпольский М., *«Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности*, Москва 2010.

Философские стратегии в критическом тексте Акима Волынского. К постановке проблемы

Резюме

В статье рассматривается система ценностных ориентиров Ак. Волынского. Делается акцент на ряде парадоксальных суждений критика, обусловленных противоречивостью его мировидения и незавершенностью критической системы в целом. Рассматриваются полемические концепции критика, нашедшие отражение в его оценках литературной критики 60-х гг. XIX в. и декаданса.

Ключевые слова: интеллектуал, критическая рефлексия, кризисное сознание, модель мира

Philosophical Strategies in the Critical Text of Akim Volynsky. To the Setting of the Problem

Abstract

The article analyses the system of valuable reference points of Akim Volynsky. The emphasis is placed on a number of the paradoxical judgments of the critic caused by discrepancy of his world model and incompleteness of a critical system in general. The polemic concepts of the critic are considered which found reflection in its estimates of literary criticism of the 60th of XX of century and a decadence.

Key words: intellectual, critical reflection, crisis consciousness, world model

Нина Раковская, Кандидат филологических наук, доцент,
Зав. кафедрой мировой литературы
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Nina Rakovskaya, Ph.D., associate professor
the Chair Holder of World Literature Department
Odessa I.I. Mechnikov National University
Ukraine